

Погрузившись на мгновение в себя, этот человек уже принялся проверять мой пульс. Его руки напоминали руки Фэн Иня: белые, как корень лотоса, с длинными тонкими пальцами без выпирающих суставов. Тонкая прядь черных волос тихонько падала на грудь. Взглянув на его лицо, я замер, на какое-то мгновение потеряв дар речи.

Онемел я вовсе не оттого, что он был даже красивее Фэн Иня, а из-за его мягкой, едва заметной улыбки. Я помнил: я уже видел его раньше. И вовсе не в том чайном павильоне, а незадолго до моей тяжелой болезни. Из-за мелькнувшего в голове воспоминания о том, как мы вместе поднимаем чаши за здоровье друг друга, мне казалось, что наши с ним отношения должны быть чрезвычайно близкими.

Видимо, мой взгляд был чересчур одурманенным, потому что он отнял руку, которой проверял мой пульс, одарил меня слабой улыбкой и принялся развязывать пояс на моей одежде. От этого сосредоточенного занятия мое стариковское лицо заливалось румянцем снова и снова. Когда одежды были полностью распахнуты, я наконец обнаружил, что все мое тело вдоль и поперек замотано широкими белыми бинтами. Кое-где на них проступила кровь, и вообще, живого места, где можно было бы разглядеть кожу, практически не осталось.

— Князю следует хорошенько отдохнуть. Цин Хэн верит, что через несколько дней раны князя пойдут на поправку.

Цин Хэн... Какое прекрасное имя. Оказывается, не Сыжань.

Я смотрел на него, не отрывая глаз, не моргая. Он простоял в растерянности добрую половину дня, прежде чем до него дошло. Он улыбнулся:

— Раны императора не представляют опасности, полагаю, к завтрашнему дню ему уже станет лучше.

Я скривил уголки губ, пытаюсь улыбнуться ему в ответ, но, на беду, задел какую-то рану, да так больно, что мне захотелось завопить в голос.

— Травма ног у князя весьма необычна. Почему кости сломаны не в недавнем прошлом, а еще в прошлом году? — произнес Цин Хэн.

Да неужто такое было?...

— Должно быть, это осталось со старых времен, когда я неосторожно упал с лошади во время военных походов, — ответил я, опираясь на слова старого слуги.

Цин Хэн наполовину поняв, наполовину усомнившись, кивнул и принялся осторожно накладывать мазь.

Выпив лекарство, сваренное той девушкой, я в полубессознательном состоянии снова погрузился в сон.

Во сне порхали иволги и кружились бабочки, веял мягкий ветерок. Он протягивал ко мне руку сквозь солнечные лучи. Черты его лица казались размытыми; я поднял руку, чтобы протереть глаза, но все равно не мог разобрать его внешность. Он, казалось, слегка потерял терпение, высоко приподняв брови, а его чистый, изящный голос в сочетании с легким ароматом, исходившим от него, заставлял чувствовать себя так, будто купаешься в весеннем ветерке, и наполнял душу удивительным покоем:

— Ну же, вставай, что ты тут расселся как глупышка?

— Чего ты так на меня смотришь? Неужели не узнаешь? — в его словах звучала легкая насмешка, смешанная с едва уловимой улыбкой.

Я на мгновение замер, озадаченный, и с трудом вытолкнул из себя два застрявших на губах слова:

— Сыжань...э?

— Я же говорил тебе, меня зовут не Сыжань, меня зовут Сы Жань.

— Тебя зовут Сы Жань... А как же Сыжань? Где Сыжань? — я схватил его за протянутую руку, охваченный странным, необъяснимым волнением.

— Ты что, совсем сдурел? Сыжань — это же просто имя, которым ты в детстве косноязычно меня называл, — он нахмурился.

В ту же секунду я бросился вперед, намертво вцепившись в Сыжана, и не отпускал, как бы он ни ворчал:

— Сыжань... Я так соскучился! Можешь заставить меня делать что угодно, только не уходи...

— ...Дурачок.

Он улыбнулся, и без того нечеткий силуэт стал постепенно таять, пока совсем не исчез в моих объятиях...

— Это ты... дурак, как ты мог... как ты мог быть таким глупым! — я задохнулся от рыданий, и что-то набросилось на меня, затапливая с головой.

Эту мягкую улыбку, этот силуэт я никогда не забывал. Разве можно такое забыть...

Картинка сменилась: мы с ним сидим в беседке, попиваем вино и ведем веселую беседу. Вдруг раздался яростный рев, и с небес спустился чудовищный дракон со звериным оскалом.

— Осторожно! Беги!!

Сыжань резко дернул меня за руку, с силой оттолкнул назад, выкинув из беседки. Я успел заметить лишь то, как дракон извивается всем телом и вонзает когти в еще остававшегося в беседке Сыжаня, разрывая его надвое. Капли крови обагрили мои глаза. Его падающая сверху вниз половина тела хранила на губах нежную, такую блаженную улыбку.

Дурачок же...

Да кто из нас на самом деле дурак!

Я резко очнулся от кошмара. Некоторое время тупо глядя перед собой, я лишь с опозданием сообразил, что мое лицо полностью покрыто холодной влагой — судя по всему, я плакал. Сердце сжималось от непрекращающейся боли, во рту стояла невыносимая горечь, но я уже напрочь забыл, что именно мне только что приснилось.

Бросив взгляд в сторону, я сразу заметил у изголовья кровати простую белую одежду. Хмурое выражение лица Фэн Иня разгладилось, сам он был чист и аккуратен, без следов той потрепанности, что осталась после погони тигра, — должно быть, успел привести себя в порядок.

— Цзы Цин, ты очнулся. Болит?

Болит? Что за глупый вопрос!

— Ох, — улыбнулся он, — а я и забыл, что Цзы Цин повредил шею, и теперь раны еще не зажили, говорить он не может.

Я моргнул, подтверждая его слова.

Этот жест вызвал у него тихий смешок. Я сделал вид, что рассердился, и уставился на него взглядом. Он смеялся еще добрую полминуты, прежде чем умолк:

— Цзы Цин в таком виде тоже весьма неплох. По сравнению с твоей обычной вежливой отстраненностью, это даже куда милее.

Милее... Я, замотанный как мумия и неспособный пошевелить и пальцем, кажусь Фэн Иню милым.

Вот так, в течение всех тех дней, что я пролежал пластом на ложе, исцеляя свои раны, помимо той девушки и Цин Хэна, которые приходили сменять повязки, поить меня лекарствами и проверять пульс, меня то и дело навещал Фэн Инь. И каждый раз он обязательно говорил что-нибудь такое, от чего я едва не умирал от злости. Дни текли своим чередом — пресно, однообразно, день за днем, — а я тем временем испытывал жутчайшую тревогу.

Прошло уже столько времени, а императорский двор так и не прислал никого на поиски Фэн Иня. Все говорят, что государству нельзя хотя бы день оставаться без правителя, но если подсчитать, сколько минуло дней — и далеко не один! Неужели Князь И и остальные решили, что мы с Фэн Инем оба погибли у подножия обрыва? А если они устроят государственные похороны, насыпят кенотаф или вроде того — это же уму непостижимо!

Если мы после этого вернемся, это будет чистой воды воскрешение из мертвых. Напугать людей — дело скверное.

Хотя я и думал об этом, поделать ничего не мог. Сейчас оставалось лишь одно: как следует отлеживаться в надежде поскорее поправиться, чтобы можно было завести разговор о возвращении во дворец.

Однако, глядя на Фэн Иня, нельзя было сказать, что он сильно спешит. Напротив, он казался вполне довольным этой свободной, ничем не обремененной жизнью у подножия утеса и наотрез отказывался заводить речь о возвращении во дворец.

За полмесяца восстановления мои раны зажили по большей части, по крайней мере, мне больше не нужно было постоянно лежать в постели.

Но стоило мне только встать с кровати, как Фэн Инь тут же бросался меня поддерживать. Я отказывался, но он настаивал пуще прежнего, вываливая целые горы нравоучений: мол, мне нужно беречь себя, а не то случится беда и мы не сможем вовремя вернуться во дворец, или же я останусь полупарализованным на всю жизнь. Услышать такое раз-другой еще куда ни шло, но слушать это постоянно было поистине утомительно. От его речей у меня начинала болеть голова, и так и подмывало ответить ему резко, но он — император, а против слов Сына Неба не пойдешь. Приходилось стискивать зубы и глотать слова, застрявшие на языке.

Побывав у этого обрыва, я набрался ума-разума: оказывается, даже вечно холодный Фэн Инь умеет быть донельзя болтливым.

Опираясь на руку Фэн Иня, я поднимал глаза и то и дело видел его трепетную заботу: он оберегал меня так, словно я был хрупким драгоценным сокровищем, которое разлетится на мелкие осколки, если не держать его в руках с величайшей аккуратностью. Настоящая буря в стакане воды.

Стоило распахнуть двери комнаты, как в нос ударил густой аромат цветов. Стоило поднять взгляд — повсюду пестрели разноцветные цветы, перемежающиеся с сочной зеленой травой под ногами, так и манящие рухнуть на них и полежать. Над этим пятицветным цветочным морем под лазурным небом пели птицы и кружились бабочки. Эта красота была лишена мирской суеты, а доносившиеся из комнаты Цин Хэна тихие звуки цитры создавали ощущение настоящей обители бессмертных. Очутившись здесь, человек мог позабыть о любых терзавших его тревогах.

Никак не ожидал обнаружить у подножия обрыва такой волшебный пейзаж. Неудивительно, что Фэн Иню вовсе не хотелось возвращаться во дворец — теперь даже мне самому не хотелось уходить. Суметь укрыться от мирских невзгод у подножия этого утеса и провести здесь остаток дней было поистине величайшим благословением в жизни.

— Цзы Цин, здешние виды прекрасны, не правда ли? — произнес Фэн Инь.

— Словно в обители небожителей, — восхитился я.

— Если бы Цзы Цин мог уединиться со мной в этом месте, как было бы хорошо... — в его голосе послышалась легкая тоска.

Я вздрогнул:

— Ваше Величество, что вы сказали?

Фэн Инь улыбнулся, и в паузе между словами послышался тихий вздох:

— Ничего.

— Вообще-то, Ваше Величество, в тот день ваш покорный слуга просто хотел вам помочь. В конце концов, тигриные когти находились от спины Вашего Величества на расстоянии меньше аршина, а я вовсе не знал, что камень под ногами не выдержит такого веса. Я вовсе не собирался утягивать Ваше Величество за собой в этот обрыв, — принялся я нести совершеннейшую чушь, усердно и искренне оправдываясь.

— Я, разумеется, это знаю.

Услышав это, я почувствовал, как камень свалился с души. Тяжкое обвинение в покушении на убийство императора было, наконец, с меня снято.

— Ваше Величество, кем приходится этот Цин Хэн? Почему в прошлые дни при дворе я никогда его не видел? — помявшись немного, я озвучил терзавшее меня сомнение.

— Цин Хэн — Государственный наставник. Обычно, когда нет важных дел, он при дворе не появляется, поэтому Цзы Цин его, естественно, не знает.

— Вот оно что, — я мысленно всё понял, а мгновение спустя снова заговорил: — Фэн Инь, у меня пересохло в горле, не мог бы ты принести мне немного воды?

Я спрашивал с опаской: в конце концов, я впервые назвал его по имени прямо в лицо, да еще и попросил о помощи... Хм... у Властелина Девяти Пяти Небес характер неизбежно должен быть крутым, я уже мысленно приготовился принять на себя его гнев...

Однако, похоже, я просчитался.

Было ли в глазах Фэн Иня хоть малейшее раздражение? Скорее, там читалось нечто вроде... польщенной растерянности?

Показалось. Наверняка показалось.

— Цзы Цин, подожди немного, я... то есть я сейчас же принесу воды, — он чуть изогнул губы, являя свою привычную утонченную улыбку.

...Я, а не император... Хм, как ни крути, а в этом сквозил какой-то странный, глубокий смысл...

Когда Фэн Инь ушел, я принялся прогуливаться вокруг, заодно выискивая, нет ли здесь пути вверх.

Стены утеса отвесны. Стоило поднять голову, как открывалось лишь затянутое легкой дымкой лазурное небо да плывущие облака — и больше ничего.

Мой взгляд зацепился за зеленую прядь, тянувшуюся к самому верху утеса. Охваченный любопытством, я медленно приблизился, подергал за лиану и мысленно подивился: хоть на этой лозе и росли мелкие шипы, на ощупь она оказалась удивительно приятной, вовсе не колючей.

Интересно, можно ли взобраться по ней вверх?

Руководствуясь желанием проверить, крепкая ли эта лиана, я изо всех сил дернул за нее. Лоза с шуршанием посыпалась вниз по стене обрыва. Чтобы не покалечить голову, я отбросил ее и что есть мочи припустил назад, чудом избежав неловкой участи быть избитым собственной находкой.

Отбежав подальше, я оглянулся: вся лиана уже рухнула вниз. Отыскав ровную площадку, я лег на нее и притворился спящим прямо на зеленой траве, прислушиваясь к приближавшимся

шагам. Наверное, это шел Фэн Инь. Подняв веки, я убедился, что не ошиблся.

Я поднялся, взял протянутую Фэн Инем чашку чая и стал неторопливо пить. Возвращая пустую чашу, я не забыл поблагодарить его.

— Цзы Цин, Государственный наставник говорит, что в столице ползут слухи о нашей с тобой гибели у подножия обрыва. Придворные охвачены паникой, к тому же иноземные государства поднимают войска для вторжения, грозя полностью нас уничтожить. Нам придется вернуться во дворец уже на следующий день, — Фэн Инь нахмурился, и в его голосе слышалось легкое раздражение.

Я слегка растерялся. Хотя мне и нравилась эта тихая жизнь с налетом беспечности, и я всем сердцем не желал возвращаться в шумный мир, но... в груди почему-то заволновалось, затрепетало какое-то смутное чувство.

Сыжань ведь все еще в резиденции? В том глухом месте, если рядом не будет меня, с его характером ему наверняка станет грустно?

Я не позволю тебе скучать, Сыжань, и уж тем более не дам тебя обидеть!

Это было обещание, данное нами друг другу в те дни, и я никогда его не забывал.

Каждого, кто хоть раз обидел тебя, каждого, кто смотрел на тебя с равнодушным презрением — всем им я верну сторицей.

Это мой долг, и в то же время единственное, что я могу сделать...

Сыжань...

Придав лицу суровое выражение, я серьезно ответил:

— Раз дело дошло до такого, тогда Вашему Ветельству следует как можно скорее возвращаться во дворец, чтобы восстановить порядок в стране.

Фэн Инь кивнул, его лицо омрачилось тяжестью и явным нежеланием.

Луна сменялась солнцем, и когда я погрузился в глубокий сон, ко мне снова пришел кошмар. Лица в нем по-прежнему оставались неразличимыми, но все происходило до боли реально: худой, исхудавший человек сбивался с ног, спотыкаясь и бегая по рыночной площади. Одежда его была в полном беспорядке, вся в лохмотьях; завидев прохожих, он бросался к ним, хватался за их одежды и с отчаянным видом что-то выкрикивал.

Нищий? Безумец? Или помешанный?

Тот, за чью одежду он цеплялся, явно выходил из себя, пинком отталкивая безумного человека, с омерзением отряхивался, плевал на землю перед ним и шел дальше. Остальные прохожие даже не глядели в его сторону, либо, поступая так же, как предыдущий, сплевывали на землю и спешили прочь, словно лежавший на мостовой человек был каким-то заразным проклятьем.

Мне хотелось помочь ему, но стоило кому-то пройти сквозь мою бесплотную фигуру, как я вспоминал: я могу только смотреть, но не вмешиваться.

У него, судя по всему, были проблемы с ногами: сбитый с ног пинком, этот несчастный никак не мог подняться. В конце концов он начал ползти на локтях, продолжая цепляться за полы одежды каждого встречного, и всё повторялось вновь — его отпихивали, а он продолжал путь. Тело его покрылось бесчисленными новыми ранами, но сам он, казалось, не ведал усталости. Упрямство его было запредельным. Я следовал за ним по пятам, сжав кулаки в бессильной ярости каждый раз, когда мне хотелось броситься на обидчика, но мои кулаки неизменно проходили сквозь чужие тела. Сколько раз я пытался повернуть назад или свернуть в другой переулок, но невидимая сила неизменно преграждала мне путь. В конце концов мне оставалось лишь стискивать зубы от гнева, следовать за ним и просто смотреть.

Когда его в очередной раз сбили с ног, откуда-то прибежали дети и, хихикая, стали швырять в него камни, соревнуясь, кто попадет больше раз. Он беспомощно свернулся калачиком, обхватив голову руками, и горько заплакал.

Сквозь его тихие рыдания пробивались невнятные слова, но каждое из них отчетливо отпечаталось в моем мозгу:

— Сыжань... Сыжань, где ты? Сыжань... как больно... а-а... как больнооо!

Сыжань...

Лицо мое помрачнело, а мелькнувшая в голове догадка заставила меня испуганно вздрогнуть.

Неужели, неужели... это был я?..

...Узрев тот самый торчавший обрывок нефритовой кисточки, я сразу понял — он и есть я сам.

Эта кисточка была украшением нефритовой подвески, пожалованной императрицей. Таких подвесок на всем белом свете было всего две: одна у меня, а другая у... у Сыжана...

«Вставай же, дурачок! Какой толк от того, что ты кричишь от боли, дурачок? Ты же опозорил старое лицо этого вана до конца дней, дурачок!» — ревел я мысленно, хотя, возможно, меня никто не слышал.

«Прекратите! Нельзя его бить! Как вы смеете его бить!!» — раздался утонченный голос, полный тревоги и невыносимой жалости.

...Кто? Кто говорит?

Лица вокруг постепенно обретали четкость. Вот «я», стоя на коленях и прижавшись лбом к земле, обхватив голову руками, тихо всхлипываю; вот хихикающие дети бросают в меня камни, а проходящие мимо зеваки глядят с равнодушием и омерзением — и среди них нет никого, кто принадлежал бы обладателю только что прозвучавшего голоса.

«Перестаньте, как вы смеете его бить!» — кто-то подошел ко мне, поднял стоящего на коленях «меня» и прогнал шайку злых детишек. Я разглядел его лицо: да это же... Цин Хэн?!

Цин Хэн совершенно не брезговал таким грязным «мной». Он протянул руку, снял собственную верхнюю одежду, затем стянул с «меня» то подобие лохмотьев, что служило мне платьем, облачил остоленевшего «меня» в свои вещи и нежно стер слезы и грязь с моих щек, мягко спрашивая:

— Князь, вы в порядке?

Не дождавшись ответа, «я» бросился вперед, намертво обхватив его руками, зарекшись когда-либо отпускать или уходить, и безумно шептал чье-то имя, глупо улыбаясь с абсолютно счастливым выражением лица:

— Сыжань... Сыжань... я наконец нашел тебя, я больше никогда от тебя не уйду, никогда...

Опомнись, он не Сыжань, он просто похож на него внешне... Не дай себя обмануть.

Или... перестань обманывать самого себя.

— Глупышка... Разве я мог бы бросить тебя? — в утонченном голосе звучало бесконечное отчаяние.

У меня заболела голова. Я потер виски: чей же это был голос...

— Ладно-ладно, что князь говорит, то и верно. Главное, чтобы князь исправно пил лекарство, а я никуда не уйду. — Цин Хэн успокаивал «меня», точно капризного ребенка.

— Пока Сыжань не уходит, я готов сделать всё что угодно.

С этими словами он подхватил «меня» на руки и повернулся, чтобы уйти, а «я» продолжал по-

дурачки улыбаться, обнимая его в ответ.

...Вся моя невеликая гордость... Оказывается, я давным-давно растерял ее подчистую.

Цзы Цин... Я здесь, почему ты не хочешь оглянуться на меня хотя бы раз...

Я резко обернулся и посмотрел на человека позади меня. Мои зрачки сузились. Залитое слезами лицо, капли ярко-алой крови скатываются со лба, полосую мое сердце; пустые глаза смотрят на удаляющегося «меня», тая в себе невыносимую горечь и обиду. Одурманивающая, удушающая боль накрыла меня с головой.

Я проснулся в страхе, ошарашенно приподнявшись на постели. Прошлые сны постепенно всплывали в памяти, но все они неизменно крутились вокруг Сыжаня.

Сыжань...

Черт, да что же это в конце концов такое? Сны казались чересчур реальными, словно звенья одной цепи, способные соединиться вместе. Неужели это те самые воспоминания, что я потерял?

Ах, до чего же это безумно, до чего трудно в это поверить...

Я взъерошил волосы, встал, зажег свечу, налил себе чашку чая и стал понемногу отпивать, погрузившись в раздумья.

Неужели Государственный наставник Цин Хэн и есть Сыжань? Но интуиция подсказывала — нет.

Он говорил, что его настоящее имя — Сы Жань, но я никогда раньше не слышал этого имени. Однако всякий раз, когда я заводил речь о том, кто такой Сыжань, Синжэнь и тот старый слуга вели себя крайне подозрительно: запинаясь, мялись, уходили от ответа, путались в словах. Такой человек, как Сыжань, определенно существовал на свете, это вам не сон!

За окном стрекотали цикады, но этот шум несколько не раздражал. Я бросил взгляд на улицу: небо было еще тусклым, высоко в вышине висела луна. Солнце еще не взошло, и до полудня было далеко — в последнее время я вечно просыпался слишком рано.

Ох, кажется, я ухватил самую суть...

Отставив чашку в сторону, я чмокнул губами: этот чай ни в какое сравнение не шел с тем благоуханным напитком, что я ежедневно пил в княжеской резиденции. Я сделал всего пару глотков, просто чтобы смочить пересохшее горло.

Тук-тук...

Тихий, неторопливый стук в дверь эхом отозвался в тишине. Я машинально бросил:

— Кто там?

Мгновение спустя из-за двери донесся голос Цин Хэна:

— Князь не спит? Цин Хэн проходил мимо и, заметив, что в покоях князя ярко горит свеча, подумал, что князь бодрствует, и решил заглянуть. Если я побеспокоил вас в столь поздний час, прошу князя меня простить.

Я поднялся, открыл дверь и улыбнулся стоявшему на пороге Цин Хэну:

— Как удачно. У этого вана как раз есть пара вопросов к Государственному наставнику.

Я повернулся и шагнул обратно в комнату, попутно налив чашку чаю для следовавшего за мной Цин Хэна.

— Этот горный чай груб и прост, он не идет ни в какое сравнение с хорошими чаями из княжеской резиденции, так что прошу князя снисхождения. — Приняв чашу и сделав неторопливый глоток, произнес Цин Хэн.

— Что за слова у Наставника? Хотя этот чай и уступает княжескому, в нем тоже есть свои достоинства, — я слабо улыбнулся.

— Князь слишком добр. Не знаю только, о чем князь хотел спросить Цин Хэна? Цин Хэн ответит на всё, что знает, ничего не утаивая, — с утонченной улыбкой произнес Цин Хэн, выглядя сейчас гораздо более серьезным, чем обычно.

Я сделал глоток чая, причмокнул и принялся долго-долго разглядывать Цин Хэна, доводя того до легкого замешательства, после чего неторопливо выдал:

— Цин Хэн... на самом деле ты ведь Сыжань, верно?

— Куда уж Цин Хэну до знатности того Сыжана, о котором вспоминает князь. — Он слегка опустил веки, пряча выражение глаз.

— О? Выходит... Цин Хэн, ты знаком с Сыжанем? — произнес я.

Цин Хэн приподнял веки и взглянул на меня:

— ...Не знаком.

— Тогда к чему те слова... — приподняв бровь, я продолжил вытягивать из него ответы.

Цин Хэн перебил меня, отвечая с совершенно невозмутимым видом:

— То были лишь мои предположения, князю не стоит истолковывать их превратно. Цин Хэн полагает, что человек, упоминаемый столь знатной особой, как князь, сам по себе должен быть необычайно высок родом.

Я, как назло, в этот момент делал глоток чая и от этих слов так резко поперхнулся, что еще долго не мог прокашляться. Угостившись рукавом, чтобы вытереть брызги вокруг рта, я подумал: что за безумная логика? Я нервно усмехнулся:

— Что за речи у Наставника? Цин Хэн ведь тоже самый почитаемый человек в стране.

— Князь излишне любезен, — улыбнувшись, Цин Хэн сменил тему и продолжил: — Сегодня я еще не проверял, как заживают раны князя. Не пора ли сменить повязки? Раз уж Цин Хэн сейчас здесь, позвольте взглянуть.

— Э-э-э... Думаю, в этом нет необходимости? — я скривил уголки рта, изо всех сил силясь изобразить улыбку, и впервые за долгое время заикнулся.

<http://bllate.org/book/21938/2279240>